

УДК 343.222.6
ББК 67.408.014

БЕЗДЕЙСТВИЕ КАК ФОРМА ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В. В. Болотов

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Отсутствие уголовно-правовых способов стимулирования активного поведения граждан, а также криминологической характеристики противоправного бездействия и разработанных на его основе научно обоснованных методов профилактики пассивной преступности позволяет существенно снизить эффективность многих программ развития государства.

Эта проблема особенно актуальна в связи с медленным, но непрерывным ростом уровня пассивной преступности с 2010 г. Общий темп роста пассивной преступности за последние пять лет составил 15–23,3%. Таким образом, социально опасное свойство пассивной преступности постепенно переходит в ее количественную составляющую, что не является выходом из сложившейся ситуации.

Сама же пассивная преступность является интрузивной преступностью, которая так до конца и не осознается обществом в качестве криминального явления. В результате этого значительный объем пассивных преступных деяний не только не регистрируется и как следствие не раскрывается, но и не воспринимается в качестве преступлений со стороны потерпевших, а значит, не доводится до сведения правоохранительных органов.

Все это и многие другие специфические характеристики категории преступного бездействия обуславливают актуальность, а также давно назревшую необходимость в научной разработке единого комплекса пассивной преступности, которая позволила бы сформировать в сознании общества адекватную оценку противоправного бездействия и его губительных последствий.

Ключевые слова: уголовное право, бездействие, уголовная ответственность, наказание, пассивная преступность, исправление.

INACTION AS A FORM OF CRIMINAL BEHAVIOR

V. V. Bolotov

Altai State University (Barnaul, Russia)

The absence of criminal-legal ways to stimulate active behavior of citizens, as well as criminological characteristics of illegal inaction and developed on its basis scientifically based methods of prevention of passive crime can significantly reduce the effectiveness of many programs of development of the state.

This problem is particularly relevant due to the slow but continuous growth in passive crime since 2010. The overall growth rate of passive crime over the past five years was 15–23,3%. Thus, the socially dangerous property of passive crime is gradually moving into its quantitative component, which is not a way out of this situation.

Passive crime itself is Intrusive crime, which is not fully recognized by society as a criminal phenomenon. As a result, a significant amount of passive criminal acts are not only not registered and, as a consequence, not disclosed, but are not perceived as crimes by the victims, and therefore not brought to the attention of law enforcement agencies.

All this and many other specific characteristics of the category of criminal inaction determine the relevance, as well as the long-overdue need for the scientific development of a single complex of passive crime, which would form in the consciousness of society an adequate assessment of illegal inaction and its disastrous consequences.

Keywords: criminal law, inaction, criminal responsibility, punishment, passive crime, correction.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)1.2](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)1.2)

Исследователи, которые обратились к проблеме бездействия, отмечают, что это один из самых сложных и противоречивых вопросов уголовного права [1].

В современный период в российском государстве нормы уголовного права способствуют обеспечению социальной активности только в тех сферах социальной деятельности, где отклонение от установленных требований чревато серьезными последствиями. В частности, требуется строгое соблюдение правил обращения с различными источниками повышенной опасности.

Ст. 14 Уголовного кодекса РФ содержит определение преступления и исчерпывающе называет его признаки: общественная опасность, незаконность, вина и наказание. Деяние может принимать форму действия (т. е. активного поведения) или бездействия (т. е. пассивного поведения, которое выражается в несовершенстве конкретного действия, которое человек был обязан и мог совершить). Как активное, так и пассивное поведение, помимо его внешнего проявления, должно быть осознанным.

Пассивность человеческого поведения — это не физические характеристики, а социальные.

Вопрос смешанного бездействия в теории уголовного права является дискуссионным. Таким образом, смешанное бездействие понимается как бездействие в преступлениях с материальным составом, т. е. бездействие, прекращение которого требует наступления последствий.

Следует также отметить, что бездействие как форма деяния исключается в совершаемом преступлении, поскольку этот вид нападения, будучи единым (единичным) преступлением, состоит из ряда идентичных действий, объединенных общим умыслом и направленных на достижение одной цели. Считается, что необходимо внести поправки в Уголовный закон РФ с целью повышения ответственности за бездействие преступника, а тем более за наступление серьезных последствий, связанных со смертью людей.

Лица определенных профессий (врачи, сотрудники правоохранительных органов и т. д.) должны выполнять свои обязанности в срочных случаях, даже в нерабочее время. В других случаях ответственность возникает только за бездействие в течение периода, когда человек должен находиться на рабочем месте в рабочее время. Ответственность может также возникнуть за неисполнение обязательств, вытекающих из трудового или иного гражданского законодательства (невыплата заработной платы, ненадлежащее хранение имущества). Профессиональные обязанности и служебное положение подразумевают строго определенное поведение человека, регулируемое нормативными актами, а также выполнение необходимых профессиональных или официальных действий. Например, отказ врача от помощи пациенту является преступлением согласно ст. 124 Уголовного кодекса РФ.

Кроме того, человек должен иметь реальную возможность в конкретной ситуации предпринять от него желаемые действия, а также должен учитываться при определении таких возможностей, как законодательство (позволяющее в определенных случаях уклоняться от действий) и ситуация бездействия, а также субъективные характеристики человека.

Обязательство действовать должно быть связано со способностью человека действовать определенным образом. При принятии решения о возможности действия учитывается субъективный критерий, т. е. способность человека действовать соответствующим образом в конкретных условиях времени и места. Наличие форс-мажорных обстоятельств (например, стихийное бедствие помешало врачу оказать своевременную помощь пациенту) исключает уголовную ответственность за бездействие.

Оценивая способность человека действовать определенным образом, следует также учитывать его физические и психические качества, его состояние на момент совершения преступления, уровень знаний, навыков, профессиональной квалификации и другие внешние обстоятельства, в которых он действовал.

Следует также отметить, что уголовная ответственность за бездействие возможна только при наличии причинно-следственной связи между последствиями и бездействием лица. Основным признаком, характеризующим причинно-следственную связь в бездействии, является не общее, указанное в правовой норме, а конкретное обязательство совершить действие, момент которого определяется возможностью достижения положительного результата.

В то же время признание причинно-следственной связи между бездействием и расследованием предполагает, что сознание неактивного человека охватывает (с намерением) или должно охватывать (с небрежностью) процесс причинения.

Установление причинно-следственной связи между деянием и расследованием не исключает необходимости установления вины лица, обвиняемого в совершении преступления.

Оценка внешнего бездействия как формы преступного посягательства не может быть сведена только к признаку воздержания от надлежащего поведения. Как справедливо отмечает И. А. Есипова, «бездействие более статично, длительно по времени, оно рассматривается как определенное состояние, позиция человека. Действие носит дискретный, прерывистый характер, чередуя изменения, и характеризуется не как состояние, а как процесс» [2]. А. И. Бойко также отмечает, что «инстинктивно обусловленные, импульсивные и автоматизированные действия неприемлемы для пассивного поведения» [3].

С учетом специфики метод правового регулирования уголовного права, который устанавливает ответственность за эти формы действия, иногда признается в качестве одного из оснований для разделения действия и бездействия. Предполагается, что действие обычно регулируется правилами запрета, а бездействие — правилами предписания (требованиями). Большинство современных исследователей, хотя и не очень категорично, отрицают универсальность такого сравнения.

Однако нельзя отрицать определенную связь между уголовно-правовой нормой и регулируемым ею преступным поведением. Это можно увидеть в большинстве норм действующего уголовного законодательства. В любом случае запрещающая норма определяет активное посягательство, так же как требовательная норма всегда предполагает пассивное посягательство. Таким образом, убийство в любом случае является нарушением уголовного закона, запрещающего лишать жизни другого человека, и форма преступного поведения не меняет своей правовой природы.

Что касается предписывающих норм, то ситуация несколько проще. В некоторых случаях законодатель подтверждает в тексте, что пассивное преступное поведение совершается посредством активных действий (например, в рамках уклонения от военной службы). Решающим фактором в этом случае является не нарушение запрета на определенные активные действия (хотя некоторые из них — например, подделка документов — сами по себе являются незаконными), а несоблюдение требований по выполнению военных обязанностей.

Исключением, пожалуй, являются только правила, регулирующие ответственность за нарушение различных видов правил, где фактически существует связь между нормами-требованиями и нормами-правилами, функционирование которых эквивалентно и автономно. Социальная природа уголовно-правовой категории «бездействие» в науке не оспаривается, поскольку она приобретает характер социальной значимости только в том случае, если она принята в совокупности конкретных обстоятельств, которые обусловили действие.

Законодательная формулировка концепции преступления объединяет действие и бездействие как две внешние формы воздействия на охраняемые объекты с общим термином «деяние». Считается, что без термина «деяние» невозможно охарактеризовать преступное поведение, но его следует использовать для характеристики объективной стороны преступления, а не концепции преступления.

Уголовная ответственность за бездействие может наступить только в том случае, если у лица была реальная возможность в данной ситуации совершить требуемое от него действие. Однако при применении отдельных норм, предусматривающих уголовную ответственность за те или иные виды бездействия, это важное условие для признания пассивного поведения преступным иногда упускается из виду. Отсутствие в Уголовном кодексе положений, регламентирующих общие условия уголовной ответственности за преступное бездействие, думается, играет в распространении подобной практики не последнюю роль. Ведь далеко не в каждой статье Особенной части, регламентирующей составы бездействия, прямо указывается на неважность причины для неисполнения соответствующей обязанности. Такая избирательность небезобидна. Если в одних случаях законодатель прямо указывает на возможность действовать в качестве условия наступления ответственности за пассивное поведение, а в других — нет, то у правоприменителя может сложиться мнение, что соблюдать данное условие во второй ситуации не требуется. А между тем такое мнение будет опасным заблуждением. Невозможность выполнить возложенную на лицо юридическую обязанность вследствие причин, признаваемых законом уважительными, свидетельствует об отсутствии одного из неотъемлемых свойств уголовно наказуемого деяния волевого характера последнего.

Библиографический список

1. Ходжалиев С. А. Уголовно-правовая категория «бездействие»: основные теоретические концепции и специфические правовые признаки // Молодой ученый. 2015. № 21.

2. Есипова И. Л. Правовое бездействие. Волгоград, 2008.

3. Бойко А. И. Преступное бездействие. СПб., 2003.

УДК 347.122+612.613

ББК 67.404.2+57.16

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУР ЭКСТРАКОРПОРАЛЬНОГО ОПЛОДОТВОРЕНИЯ

Н. Н. Головина, И. В. Кирюшина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Российское право отстает от права зарубежных стран в сфере регулирования вспомогательных репродуктивных технологий. На законодательном уровне не разрешен вопрос о том, что представляет собой эмбрион — субъект или объект права. Зарубежная и отечественная судебная практика предлагает различные подходы к разрешению данной проблемы, которые анализируются авторами. В частности, затрагиваются вопросы распоряжения эмбрионом при возникновении конфликта между потенциальными родителями, а также в случае смерти одного из них или обоих. Рассматриваются проблемы разрешения гражданских споров, связанных с некачественным оказанием услуг по экстракорпоральному оплодотворению. Авторы приходят к выводу о необходимости законодательного закрепления понятия эмбриона и определения его правового статуса, а также более детальной регламентации вопросов оценки качества оказания медицинских услуг в области репродуктивной медицины с применением методов вспомогательных репродуктивных технологий с точки зрения защиты прав пациентов.

Ключевые слова: экстракорпоральное оплодотворение, вспомогательные репродуктивные технологии, эмбрион, защита прав потребителей медицинских услуг.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF EXTRACORPORAL FERTILIZATION

N. N. Golovina, I. V. Kiryushina

Altai State University (Barnaul, Russia)

The regulatory environment lags behind developing social relations is quite natural. However, the gap in the domain of legal regulation of assisted reproductive technology has become excessive. Despite the extensive practices of using such technologies, at the legislative level even the question of what an embryo and an object or a subject of law are, has not been solved yet. The paper explores analysis of approaches to solving this issue, expressed both in the juridical literature and legal precedents (including foreign ones). The approaches to solving the problem of disposing an embryo in a conflict between potential parents and in case of death of one or both of them are analyzed. The authors conclude that it is necessary to legislate the definition of an embryo and the characterization of its right status at the legislative level. It is necessary to regulate in detail the assessment of the quality of the provision of medical services in the field of reproductive medicine

Keywords: in vitro fertilization, assisted reproductive technology, embryo, donor, protection of the rights of consumers of medical services.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)1.3](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)1.3)